

Эволюция образа оружия в прозе Владислава Крапивина

Комин Максим Вадимович

аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества,
Тверской государственный университет. Россия, г. Тверь. ORCID: 0009-0000-0323-8290.
E-mail: mvkomin@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена изучению творчества известного отечественного детского писателя Владислава Крапивина. Актуальность настоящего исследования обусловлена недостатком работ, раскрывающих проблематику системы образов в прозе В. П. Крапивина. Целью работы является описание эволюции образа оружия в прозе В. П. Крапивина на протяжении творческого пути писателя. Объектом анализа послужили отдельные рассказы, повести и романы, созданные В. П. Крапивиним в разное время – на этапах раннего (1960-е гг.), среднего (1970–1980-е гг.) и позднего (1990–2000-е гг.) творчества автора.

По итогам проведенного исследования установлено, что в раннем творчестве Крапивина самодельное оружие в играх ребят отражает советскую концепцию военно-патриотического воспитания, военная игрушка воспитывает в «крапивинских мальчиках» уважение к оружию, служащему защите Родины. В период романического творчества (1970–1980-е гг.) излюбленным оружием крапивинского героя становится шпага. В романе «Мальчик со шпагой» (1975) занятия в фехтовальном клубе играют ключевую роль на пути нравственного становления Сережи: подражая мушкетерам из книг А. Дюма, мальчик укрепляет чувство собственного достоинства, самоотверженно отстаивает правду и защищает своих друзей. С 1990-х гг. образ оружия в прозе Владислава Крапивина приобретает подчеркнуто негативный окрас. В условиях политического хаоса, междоусобных войн и терактов оружие предстает источником смерти, боли, разрушений. В постсоветских произведениях Крапивина герои испытывают ненависть к оружию, сломавшему их судьбы, а игрушечное оружие исчезает из детских забав. Писатель занимает позицию пацифизма. Настоящая работа вносит вклад в изучение системы образов и проблем творческой эволюции прозы Владислава Крапивина и открывает перспективы для дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: «крапивинский мальчик», оружие, военные игры, защита, агрессия.

Первый авторский сборник рассказов В. П. Крапивина «Мальчишки – мои товарищи» был опубликован в Свердловске в 1962 г. Уже в дебютных рассказах начинавшего творческий путь писателя («Костер», «Минное заграждение») присутствуют образы игрушечного оружия и описания военных игр ребят. Приведенные рассказы следует рассматривать в контексте информационной, социокультурной обстановки времени их создания: в начале 1960-х гг. в советском обществе еще свежи воспоминания о Великой Отечественной войне, оформление блоков НАТО (1949) и ОВД (1955) знаменует ужесточение «Холодной войны» между США и СССР, Карибский кризис 1962 г. ставит мир на грань ядерной катастрофы. В условиях потенциальной военной угрозы педагогической доминантой советского государства является воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, сплоченности, верности гражданскому долгу, готовности встать на защиту Родины. Наряду с довоенными произведениями, воспевающими подвиги юных героев революции («Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове» (1933) А. П. Гайдара, роман «Макар-Следопыт» (1925) Л. Остроумова), в советской детско-юношеской литературе получают распространение произведения о пионерах-героях, с оружием в руках защищавших Отечество от немецко-фашистских захватчиков (например, повесть Ю. М. Королькова «Партизан Лёня Голиков» (1955), поэма М. А. Познанской «Валя Котик» (1954)). В советской педагогике и системе социокультурных установок важное значение придавалось воспитанию мальчиков как будущих защитников Отечества, что получило отражение в ранних рассказах Владислава Крапивина.

Герои крапивинского рассказа «Костер» (1960) стремятся схватить «вражеского часового»:

«На листьях кустарника метались отблески костра. А в кустах сидели Димка, Владик и Вовка. У них была задача: поймать того, кто разжигал костер. С ребятами соседней улицы у них была война, и мальчишка, возившийся у костра, мог быть только часовым передового поста противника.

– Пора, – сказал командир Димка. Шнурок висевшего на шее автомата натирал ему кожу, а рукоятка деревянного кинжала, засунутого за резинку трусов, больно уперлась в живот [14, с. 9].

В рассказе В. П. Крапивина «Минное заграждение» (1960) Сашка защищает воображаемую «границу» от нападения «дикой конницы»: «Сашка лежит между маленьких сосенок. Он держит под рукой вырезанный из доски автомат. <...> Пригибаясь, чтоб не заметили, собрал Сашка пучок синих флажков и огородил ими полянку... Потом он ухватил за шиворот зазевавшегося Дозора, и оба они покинули новое минное поле. <...> На «границе» спокойно...» [14, с. 15–16].

Игрушечное оружие (деревянный кинжал, автомат) в забавах советских детей служит воспитанию уважительного отношения к настоящему оружию и профессии военного. Такая игрушка способствует социализации мальчиков, моделированию социальной реальности военного дела, игровому перевоплощению в образ военного, воспитанию необходимых нравственных качеств: смелости, решительности, умения преодолевать трудности. Оружие предстает средством защиты страны, охраны границ Родины (Сашка ограждает полянку флажками, обозначив «минное поле» на рубеже).

В рассказе «Бегство рогатых викингов» самодельное «боевое снаряжение» ребят описано В. П. Крапивиним в комичном ключе: «По дороге шло грозное войско. <...> Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было! Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазики. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести – припаянные, приклепанные, прикрученные – торчали грозно и вызывающе. Самохин шел первым. На нем сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог – такой же – был припаян с другой стороны. <...> Над щитами, над шлемами гордо подымались копы. Мочальные хвосты и пестрые флажки реяли у наконечников» [12, с. 17]. Автором показано богатство мальчишеской фантазии, способной превратить в боевое облачение и грозное оружие викингов самые обычные бытовые предметы. Вместе с тем оружие, с которым обращаются ребята в ранних рассказах В. П. Крапивина, является подчеркнуто ненастоящим: деревянный кинжал, «вырезанный из доски автомат», копы из жердей с мочальными хвостами. При прочтении и восприятии приведенных образов отсутствуют ассоциации смерти, ранения, боли, уничтожения. Представленное оружие остается всего лишь игрушкой, не способной причинить реальный вред и принести в мир разрушения, страдания.

Для творчества Владислава Крапивина 1970–1980-х гг. характерен романтизм, мотивы борьбы за правду, свободу и справедливость, отсылки к приключенческим произведениям А. Дюма, Р. Сабатини. Особым оружием, значимым для «крапивинского мальчика», становится шпага: она вынесена в заглавие романа «Мальчик со шпагой» (1975). Его главный герой, Сережа Каховский, с интересом посещает фехтовальный клуб, открытый Олегом Москвиным: «Олег принес в клуб сетчатые маски, четыре стеганых нагрудника, книгу «Три мушкетера» и букет новеньких рапир. Когда рапиру брали в руки, тонкая зеркальная сталь клинка чутко дрожала, словно в ожидании схватки» [11, с. 98]. В представлении крапивинских героев, читающих книги Дюма, шпага выступает неизменным оружием мушкетера – человека чести. Благородство, верность слову, неотступная защита правды и справедливости становятся важнейшими принципами «кодекса чести» крапивинского «мальчика-мушкетера», из игр в мушкетеров юные герои переносят эти установки в реальную жизнь. Типичный крапивинский мальчик-протагонист – «длинноволосый и утонченный, романтик, мечтатель и любитель приключений» [1, с. 61]. При этом «крапивинского героя отличают твердая вера в добро и обостренное чувство справедливости, при всей своей внешней беззащитности он не раздумывая бросается в бой с любым злом и подлостью» [2, с. 81].

В сюжетах В. П. Крапивина шпага становится символом защиты чести и достоинства, настоящему благородным оружием. В своих фантазиях Джонни Воробьев, представляя себя мушкетером, спасает девочку-принцессу от хулиганов – гвардейцев кардинала: «Джонни поддергивает отвороты на ботфортах и выходит на середину мостовой. Правой рукой вынимает шпагу» [12, с. 86]. При помощи навыков фехтования Сережа Каховский в действительности дает отпор нападавшей дворовой банде, защищает своих друзей.

Поединок на шпагах подчинен строгим правилам («Клинок выбит, нельзя колоть!» [11, с. 146]), мальчиков привлекает его эстетика и динамика: «Голованов от неожиданности на миг остановил свой клинок. Тут же Серёжа снизу вверх нанес по нему скользящий удар. Женькина рапира взмыла под потолок, а Серёжа вошел в глубокий выпад. Есть!» [11, с. 146].

Звон шпага на занятиях сливается с радостным смехом играющих друзей: «Звон рапир и смех Данилки Вострецова» [11, с. 122]. Шпагой может владеть лишь подготовленный человек, это оружие неподвластно обывателю, что позволяет отнести его к категории «элитного». Вместе с тем Сережа Каховский никогда не ставит себя выше других ребят и не полагается на одну только силу оружия: «Да, я помню, что говорил д'Артаньян. Не тот молодой и отчаянный, из «Трех мушкетеров», а старый, поседевший в боях д'Артаньян из длинного и печального романа «Виконт де Бражелон». Он говорил, что не в умении владеть шпагой заключается доблесть и честь человека. Она в самом человеке...» [11, с. 150]. Подражание владеющим шпагой героям приключенческих книг побуждает «крапивинских мальчиков» ко внутренней работе над собой, искоренению своих недостатков и развитию нравственных качеств – чувства собственного достоинства, смелости, решительности. В представлении крапивинского протагониста сила духа неизменно превалирует над мощностью оружия. Сережа Каховский обретает неколебимую уверенность и разгоняет уличную банду хулиганов, несмотря на то, что вместо шпаги в его руках оказывается обычная жердь от забора: «До сих пор он не думал об оружии. Но сейчас, ощутив под рукой деревянный брусок, он вспомнил все, что надо: Олега с рапирой, свечи, серебристый вихрь клинка» [11, с. 207].

В романе В. П. Крапивина «Журавленок и молнии» (1983) Журка остается ночью на страже лагеря с незаряженной винтовкой: «Ночь стояла пасмурная, кое-где под тучами загорались отблески молний. Страшновато было даже у палаток <...>. А Журке выпало по жребию стоять в карауле у дальней границы походного лагеря. Ему вручили пневматическую винтовку без пуль и велели стрелять вхолостую, если появится что-нибудь подозрительное. Отвели его на место и оставили одного» [8, с. 55]. Полагаясь лишь на собственные силы и преодолевая страх, мальчик достойно справляется с испытанием. Сталкиваясь с опасностью, герои В. П. Крапивина не возлагают на оружие первоочередных надежд: незаряженная пневматическая винтовка Журки показана подчеркнуто бессильной на фоне непроглядного ночного леса с разразившейся над ним грозой. По мысли писателя, истинная сила человека заключается в чистоте души, верности долгу и дружбе: «Можно бояться и все равно стоять прямо. Потому что есть эмблема с конниками и солнцем, есть друзья, рапиры, слова клятвы» [11, с. 207].

Значимое место в жизни клуба «Эспада» занимает проведение фехтовальных турниров: в этом ключе шпага предстает спортивным оружием, которое позволяет продемонстрировать силу, ловкость, уровень подготовки участника, но при этом не является орудием боя, не предназначено для причинения смерти или увечий. В повести В. П. Крапивина «Оруженосец Кашка» (1966) ребята организуют в летнем лагере турнир по стрельбе из лука: «Когда в руках у Володи растягивался длинный тонкий лук, в Кашке тоже что-то натягивалось и дрожало. А когда щелкала тетива, Кашка вздрагивал, и сердце у него срывалось. И в тот короткий миг, пока стрела летела к цели, он много раз успевал повторить про себя: «Попади! Ну попади же! Попади обязательно!» <...> Это желание было где-то позади другого, самого главного, которое называлось "Володина победа"» [13, с. 120]. Игры и соревнования со спортивным оружием в сюжетах В. П. Крапивина способствуют сближению героев: ребята интересно проводят время, учатся слаженно работать в спортивной команде и разрешают возникающие противоречия мирным способом. Овладение спортивным оружием сопряжено с воспитанием силы воли, выдержки, упорной борьбой за победу: преодолевая трудности, Кашка справляется с ролью Володиного оруженосца на турнире и обретает надежного старшего друга.

В поздней прозе Владислава Крапивина образ оружия переносит существенную трансформацию и обретает подчеркнуто негативный окрас. Распад СССР и последовавший политический кризис 1990-х гг. приводят к росту социальной напряженности, преступности, возникновению «горячих точек», что находит отражение в постсоветском творчестве писателя, переживавшего за судьбу своей страны. Отныне оружие на страницах его книг предстает средством совершения преступлений, террористических актов, насилия над слабыми, особенно – детьми: «Как они изменятся? Кто? <...> Бен-Ладен? Или те сволочи, что недавно кинули гранату в окно детского сада?!» [17, с. 72]. Оружие – неперенный атрибут бандитского разгула «лихих девяностых»: в повести «Лето кончится не скоро» (1995) отец Шурки Полушкина расстрелян у подъезда на глазах сына. Беспощадные выстрелы переворачивают жизнь мальчика. Сотрудничающий с бандитами следователь Хорченко не намерен расследовать убийство, при этом он обвиняет самого Шурку в краже отцовского пистолета, доводя мальчика до отчаяния: «Один раз я не выдержал, как заору на этого Хорченко: <...> «Если, – говорю, – была бы у меня эта пушка, разве бы вы, гады, ходили живые? Вы – одна лавочка с бандитами...» [10, с. 76].

И все же в силу прочных моральных убеждений герои Крапивина, не желая увеличивать зло в мире, отказываются брать в руки оружие даже в боевой обстановке и выходят навстречу вооруженным врагам безоружными: данный сюжетный ход использован писателем во многих произведениях. Кульминацией повести «Выстрел с монитора» (1989) становится сцена, в которой двенадцатилетний Галиен Тукк, защищавший родной город Реттерхальм, смело смотрит в глаза матросам расстрельной команды: «Галька увидел черные дула, прижался спиной к мачте. Мачта была железная, круглые заклепки впились в спину. «Как пули, – мелькнуло у Гальки. – Только с той стороны». И еще представилось, как пули пройдут навывлет и горячо расплющатся под спиной о металл. Но этого он уже не почувствует» [6, с. 102]. В романе «Рыжее знамя упрямства» (2006) пленный Саня Салазкин не теряет силу духа под угрозами вооруженных чеченских боевиков: «Дружок его тоже скалится, гладит автомат. И понял я: все равно убьют, хоть сделайся я самым-самым мусульманином. Не оставят в живых русского свидетеля, который видел эти головы... Вцепился в автомат, рванул, кинул через бедро этого Саидова приятеля» [15, с. 81]. В повести «Рассекающий пенные гребни» (1998) мальчик Даниэль Дегар поступает во французскую армию барабанщиком, чтобы, защищая интересы Отечества на войне, все же не убивать людей собственными руками. Вступая в открытое противостояние безоружными, герои В. П. Крапивина всякий раз удивительным образом выходят победителями, поражая врагов силой духа, отвагой, находчивостью и решительностью.

По мысли писателя, самое сокрушительное оружие в руках злых людей в конечном счете бессильно перед чистотой души и правдой устремлений. В повести «Самолет по имени Серёжка» (1994) Сергей, превратившись в самолет, спешит на помощь людям в район боевых действий: «Тогда по южным границам там и тут гремели гражданские войны <...>. И вот Сережка надумал помочь там кому-то. Или продукты сбросить беженцам, или, может, малыша какого-то вывезти из-под огня» [16, с. 183]. Мирный самолет Серёжка терпит крушение под обстрелом на побережье, но в финале повести чудесным образом воскресает и, победив смерть, возвращается к Ромке из Заоблачного города. Вражеское оружие отняло у него земную жизнь и способность превращаться в самолет, но не смогло поразить его светлую детскую душу. В повести «Выстрел с монитора» (1989) плененный врагами Галька останавливает выпущенный по Реттерхальму снаряд силой взгляда и мысли: «Он вцепился в падающую бомбу глазами. Каждым своим нервом, всем своим отчаянием он словно стремился задержать в полете этот смертельный метеор. <...> Снаряд упал за остров. Сейчас грохнет! Сейчас... Сей... что? Тонко звенела в ушах тишина. Да где-то, кажется, раздался всплеск...» [6, с. 97]. Искренняя боль мальчика за свой родной город и его мирных жителей отводит смертоносный снаряд.

На фоне религиозного возрождения в России с конца 1980-х гг. в прозе Владислава Крапивина появляются христианские мотивы, «духовный реализм как художественный метод занимает значимое место в творческом инструментарии писателя» [3, с. 381]. В романе «Бронзовый мальчик» (1994) В. П. Крапивинным показано, что выдержать обстрел английской эскадры Соловецкому монастырю помогает прежде всего духовная опора: «настоятель архимандрит Александр, который шпаги, естественно же, не имеет. <...> Невзирая на отсутствие личного оружия и склонностей к бранным утехам, отец Александр тем не менее, упоая на Божью помощь, надеется постоять за веру и землю Русскую. <...> В ответ на дерзость загремели орудия «Бриска» и «Миранды», посылая в крепость громадные бомбические снаряды. Десять монастырских пушек отвечали бодро и умело. В церквях зазвонили колокола. Более девяти часов продолжалась канонада, но древние каменные стены были чересчур прочны. Мало того! В подзорные трубы можно было разглядеть, что никто из бесстрашных участников крестного хода, двигавшегося вокруг обители по стенам, ничуть не пострадал, хотя ядра не раз пробивали деревянную крышу галереи» [4, с. 338]. Превосходство в оружии само по себе не является залогом победы: снаряженная сильнейшими орудиями английская эскадра не смогла взять штурмом древний монастырь. В пространстве крапивинского текста колокольный звон противопоставлен грохоту пушек и затмевает шум сражения. Незримая божественная защита укрывает участников крестного хода, делая их неуязвимыми для вражеских выстрелов. По мысли В. П. Крапивина, победы русского оружия были одержаны в первую очередь благодаря силе духа и веры русских людей.

Коренное изменение отношения героев к оружию наглядно показано В. П. Крапивинным в повести «Взрыв генерального штаба» (1996), пронизанной идеями гуманизма, пацифизма, антимилитаризма. В начале повести воспитанник военного корпуса Лен, не сомневающийся в словах генералов, восхищен своей армией, победами и славой оружия. Генерал подбадривает

отправленного на секретное задание Лена, обещая вручить мальчику собственный кортик: «оружие, похожее на маленький меч, висело на цепочках, спускавшихся из-под генеральского мундира – у бедра с лампасом. В темно-зеленых кожаных ножнах с оковками, с золотистой витой рукояткой. Слезы на веснушчатых щеках стремительно высыхали. Лён сдвинул каблук гвардейских ботинок» [5, с. 17]. Поначалу кортик генерала видится Лёну подлинным символом чести, военной доблести, ради получения наградного оружия Лен соглашается на выполнение опасного задания. Однако в приморском городе Лен становится свидетелем того, как его армия беспричинно обстреливает праздничную площадь: «Лён сидел на корточках и видел, как с машины, декорированной под старый фэзтон, лупит по кукольному театру дядька в клетчатом костюме арлекина. Длинными очередями, от живота. Профессионально! «Бэодин» бился в его крепких пальцах и злорадно ревел! <...> С машины дали по сцене еще одну очередь и кинули взрывпакет. Холщовый задник пылал, сыпались доски. С помоста прыгали. <...> Люди кричали и бежали» [5, с. 24]. Постепенно Лен приходит к осознанию того, что в действительности оружие редко служит защите правды и справедливости, как об этом говорится в армейских воззваниях, на деле его чаще применяют во зло. На глазах мальчика разворачивается не героическое сражение, а массовое убийство мирных безоружных людей. Позже Лен с ужасом узнает о том, что Объединенный Генеральный штаб заранее планирует ход всех войн на планете, объемы поставок армиям оружия и масштабы его применения: «А вот если едет автобус, а по нему стреляют из кустов... гранатами... Это, значит, все равно, да? <...> Неважно, кто стрелял, да? Все равно по вашему приказу?» [5, с. 85]. В конце повести герой исполнен ненависти и отвращения к оружию, которое утрачивает для него былую привлекательность и отныне напрямую ассоциируется исключительно со смертью, страданиями, насилием, жестокостью, подлостью. В кульминационном конфликте Лен уничтожает проект секретного климатического оружия прямо на глазах у командования Объединенного Генерального штаба, понимая, что тем самым обрекает себя на верную гибель. «Крапивинский мальчик» жертвует своей жизнью ради того, чтобы разрушительное оружие не было приведено в действие, спасая тем самым от мучительной смерти многих людей.

С 1990-х гг., наполненных войнами, стрельбой и разрушениями, из жизни «крапивинских мальчиков» уходят военные игры, отдавая место мирным забавам. Ашотик, потерявший родителей в военном конфликте, не имеет военных игрушек, способных вернуть его к тяжелым воспоминаниям: «На тахте валялись плюшевые игрушки, вагончики электрической дороги и детали конструктора. Ашотик аккуратно убрал с тахты мохнатого тигренка» [7, с. 59]. В повести «Колесо Перепелкина» (2003) Вася отказывается от компьютерных игр-стрелялок с оружием и насилием: «Скоро компьютерные забавы Васе приелись. Они были похожи одна на другую. Там все время надо было куда-то бежать, кого-то догонять, в кого-то стрелять, чтобы тебя самого не подстрелили или не взорвали» [9, с. 28]; «Компьютер новый, а игры все те же. Мордобой...» [9, с. 114]. В своих мирных играх крапивинские герои пытаются построить новый мир, в котором нет места войнам, оружию и насилию: в повести «Лето кончится не скоро» (1995) ребята строят из песка волшебный город, играют в «дразнилки и щекоталки», Кустик сочиняет для друзей сказку о приключениях Кудрика и Мудрика на далекой планете – в поздних произведениях В. П. Крапивина военные мотивы и прообразы оружия отсутствуют в играх детей.

По итогам проведенного исследования установлено, что образ оружия проходит сложную эволюцию на протяжении творческого пути Владислава Крапивина. На раннем этапе творчества писателя (1960-е гг.) игрушечное оружие выступает неотъемлемым атрибутом советских детских забав и командных игр, военная игрушка рассматривается в том числе как средство социализации мальчиков, элемент патриотического воспитания. В игровых сюжетах ребят из рассказов В. П. Крапивина 1960-х гг. («Костер», «Минное заграждение») оружие непременно служит защите Родины.

В период пропитанного романтизмом творчества В. П. Крапивина 1970–1980-х гг. шпага становится излюбленным оружием эталонного «крапивинского мальчика» – мечтателя и идеалиста, подражающего Д'Артаньяну и капитану Бладу. Шпага – оружие благородного героя, носителя кодекса чести, она предназначена для защиты правды, справедливости и свободы. При этом – исключительно личной свободы и независимости. В романе «Мальчик со шпагой» (1975) одним из сюжетобразующих конфликтов становится противостояние отряда «Эспада» с чиновниками-формалистами. С рапирой в руке Данилка Вострецов отчаянно защищает помещение отряда от творящих беспорядок сотрудников домоуправления. Шпага в

12. Кривин В. П. Мушкетер и фея и другие истории из жизни Джонни Воробьева : повести. М. : Махаон, 2016. 284 с.
13. Кривин В. П. Оруженосец Кашка. М. : Оникс-Лит, 2013. 190 с.
14. Кривин В. П. Рейс «Ориона». М. : ИДМ, 2013. 76 с.
15. Кривин В. П. Рыжее знамя упрямства. М. : ИДМ, 2015. 396 с.
16. Кривин В. П. Самолет по имени Сережка. М. : ИДМ, 2014. 187 с.
17. Кривин В. П. Семь фунтов брамсельного ветра. М. : РИПОЛ Классик, 2014. 478 с.

The evolution of the image of weapons in the prose of Vladislav Krapivin

Komin Maxim Vadimovich

postgraduate student at the Department of Philological Foundations of Publishing and Literary Creativity,
Tver State University. Russia, Tver. ORCID: 0009-0000-0323-8290. E-mail: mvkomin@gmail.com

Abstract. The presented article is devoted to the study of the work of the famous Russian children's writer Vladislav Krapivin. The relevance of this study is due to the lack of works that reveal the problems of the image system in V. P. Krapivin's prose. The purpose of the work is to describe the evolution of the image of weapons in V. P. Krapivin's prose throughout the writer's creative career. The object of the analysis is individual short stories, novellas, and novels created by V. P. Krapivin at different times – at the stages of the author's early (1960s), middle (1970s–1980s), and late (1990s–2000s) creative work.

According to the results of the study, it was found that in Krapivin's early work, homemade weapons in children's games reflected the Soviet concept of military-patriotic education, military toys instilled in the "Krapivin boys" respect for weapons that serve to protect the Motherland. During the period of his romantic work (the 1970s and 1980s), the sword became Krapivinsky's favorite weapon. In the novel "The Boy with the Sword" (1975), classes at the fencing club play a key role in Seryozha's moral development: imitating the Musketeers from the books of A. Dumas, the boy strengthens his self-esteem, selflessly defends the truth and protects his friends. Since the 1990s, the image of weapons in Vladislav Krapivin's prose has become emphatically negative. In conditions of political chaos, internecine wars, and terrorist attacks, weapons appear to be a source of death, pain, and destruction. In Krapivin's post-Soviet works, the characters feel hatred for the weapons that broke their destinies, and toy weapons disappear from children's amusements. The writer takes the position of pacifism. This work contributes to the study of the system of images and the problems of the creative evolution of Vladislav Krapivin's prose and opens up prospects for further research in this field.

Keywords: "Krapivinsky boy", weapons, war games, defense, aggression.

References

1. Komin M. V. *Krapivinskie motivy v povesti Anny Zen'kovej "S goryachim privetom ot Fyokly"* [Krapivinsky motifs in the story of Anna Zenkova "With warm greetings from Fekla"] // *Tekst. Yazyk. Chelovek : sbornik nauchnykh trudov XII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Text. Language. Man : collection of scientific papers of the XII International Scientific Conference. M.: Mozyr, 2023. Pp. 60–66.
2. Komin M. V. *Motiv sirotstva v proze V. P. Krapivina i A. I. Papchenko* [The motive of orphanhood in the prose of V. P. Krapivin and A. I. Papchenko] // *Rodnaya slovesnost' v sovremennom kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve : sbornik nauchnykh trudov* – Native literature in the modern cultural and educational space : a collection of scientific papers. Tver, 2023. Pp. 76–83.
3. Komin M. V. *Obretenie Boga v detsko-otrocheskoj proze V. P. Krapivina* [Finding God in the childhood and adolescence prose of V. P. Krapivin] // *Problemy istoricheskoy poetiki* – Problems of historical poetics. 2023. No. 4. Pp. 369–385. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12942.
4. Krapivin V. P. *Bronzovyy mal'chik* [The Bronze Boy]. M. IDM, 2016. 347 p.
5. Krapivin V. P. *Vzryv General'nogo shtaba* [Explosion of the General Staff]. M. IDM, 2016. 112 p.
6. Krapivin V. P. *Vystrel s monitora* [Shot from the monitor]. M. IDM, 2017. 155 p.
7. Krapivin V. P. *Dyrchataya luna* [Holey moon]. M. IDM, 2017. 157 p.
8. Krapivin V. P. *Zhuravlenok i molnii* [The crane and the lightning]. SPb. Soyuz Publ., 1999. 415 p.
9. Krapivin V. P. *Koleso Perepelkina* [Perepelkin's wheel]. M. AST, 2003. 345 p.
10. Krapivin V. P. *Leto konchitsya ne skoro* [Summer will not end soon]. M. Labyrinth Press, 2022. 204 p.
11. Krapivin V. P. *Mal'chik so shpagoj* [The boy with the sword]. M. IDM, 2014. 397 p.
12. Krapivin V. P. *Mushketer i feya i drugie istorii iz zhizni Dzhonni Vorobyeva : povesti* [The Musketeer and the Fairy and other stories from the life of Johnny Vorobyov : novellas]. M. Makhaon, 2016. 284 p.
13. Krapivin V. P. *Oruzhenosec Kashka* [Squire Kashka]. M. Onyx-Lit, 2013. 190 p.
14. Krapivin V. P. *Rejs "Oriona"* [Orion Flight]. M. IDM, 2013. 76 p.

15. Krapivin V. P. *Ryzhee znamya upryamstva* [The red banner of stubbornness]. М. IDM, 2015. 396 p.
16. Krapivin V. P. *Samolet po imeni Serezhka* [An airplane named Serezhka]. М. IDM, 2014. 187 p.
17. Krapivin V. P. *Sem' funtov bramsel'nogo vetra* [Seven pounds of topsail wind]. М. RIPOL Classic, 2014. 478 p.

Поступила в редакцию: 22.08.2024

Принята к публикации: 27.11.2024